

СМИРНОВА Е.А.,
СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ, ПЕРМСКИЙ ФИЛИАЛ, СОИСКАТЕЛЬ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ С ИНКОРПОРИРОВАННЫМИ АКТАНТАМИ КАК СПОСОБ ЭКОНОМИИ В ЯЗЫКЕ

Глаголы с инкорпорированными актантами являются результатом действия закона языковой экономии. Функциональные свойства таких глаголов вызывают интерес вследствие их недостаточной изученности. В частности изучение теоретических основ показало, что в настоящее время не разработаны принципы и подходы к исследованию функциональных свойств таких глаголов, не исследована их валентностная структура и не определены модели предложений.

Глаголы с инкорпорированными актантами исследуются с позиций системной множественности функциональных свойств единиц языка, предложенной С.В. Шустовой. В исследовании предпринята попытка разработать классификацию глаголов с инкорпорированными актантами английского языка, а также провести комплексный анализ их функционирования с целью разработки моделей предложения, отражающих их валентностный потенциал.

1. Языковая экономия и ее причины

Вопрос о языковой экономии уже не одно десятилетие привлекает внимание отечественных и зарубежных лингвистов (Блох 2000, Девкин 1979, Елькин 2001, Лопатин 1973, Мартине 1960, Муругова 2008, Павлюковец 2009, Пинкер 2004, Серебренников 1974, Спенсер 1986 и др.), а в последнее время в связи с быстрым развитием новых информационных технологий и изменениями в социальной сфере он приобретает все большую актуальность.

Г. Спенсер проводит аналогию между законами развития языка и естественными законами эволюции. Он считает, что развитие языка направлено от сложного к простому, длинные слова сокращаются, многословные предложения становятся однословными (Спенсер 1986: 171-172), т.е. экономия является естественным процессом и зависит не столько от усилий человека, сколько от самой природы языка. Другие

ученые высказывают противоположную точку зрения, утверждая, что языковая экономия является продуктом деятельности человека, она «преднамеренна, к ней стремятся, ее достижение желательно... Человек не может сознательно разбазаривать свою драгоценную энергию и обращаться неэкономно с языковыми ресурсами» (Девкин 1979:61). Таким образом, возникает вопрос о причинах экономии в языке.

Анализ литературы (Блох 2000, Девкин 1979, Елькин 2001, Кацнельсон 1965, Павлюковец 2009, Пинкер 2004, Серебренников 1974, Спенсер 1986, Ширяева 2011, Штайн 2005) показал, что причины языковой экономии можно разделить на две группы: экстралингвистические, к которым относятся биологические и социальные факторы, и собственно лингвистические.

Б.А. Серебренников является сторонником биологического подхода к объяснению появления тенденции к экономии в языке. По его мнению, источником экономии является человеческий организм. «Принцип экономии в языке – одно из частных проявлений инстинкта самосохранения. Это своеобразная реакция против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и восприятием речи. Отрицание роли экономии в языке равносильно отрицанию всех защитных функций человеческого организма» (Серебренников 1974: 27).

Идеи Б.А. Серебренникова соотносятся с биосемиотической концепцией языка. Согласно биосемиотическому подходу, язык рассматривается как одна из форм адаптации человека к окружающей среде, поскольку язык позволяет человеку, не прибегая к физическому контакту, значительно расширить свои телесные возможности в процессе взаимодействия с другими людьми. «В условиях среды, взаимодействие с которой ограничено физиологическими возможностями биологического вида *homo sapiens*, человеческий организм стремится использовать предоставляемые телом ресурсы с максимальной эффективностью» (Ширяева 2011), что вызывает у человека постоянную необходимость прибегать к языковой экономии. Естественный язык в биосемиотике определяется как «адаптивная знаковая система для обработки сознанием перцептивной информации об окружающей среде». Обработка полученной человеком информации проходит несколько этапов. На первом этапе чувственная информация распределяется сознанием по когнитивным категориям. Затем, когнитивно категоризированная информация структурируется сознанием лингвистическим образом. На заключительном этапе перцептивная информация предстает

в виде лингвистически категоризованного опыта (там же). В.В. Елькин выдвигает тезис об универсальности закона языковой экономии, поскольку биологические характеристики идентичны у представителей всех народов мира (Елькин 2001: 45). Следовательно, можно предположить, что, в силу общности этих биологических характеристик, носители различных языков будут пользоваться одним и тем же алгоритмом обработки перцептивной информации и выбирать схожие средства выражения мыслей.

К социальным факторам языковой экономии можно отнести возникновение и стремительно растущую популярность таких видов коммуникации, как электронная почта, SMS-сообщения, общение в сети Интернет. Огромный поток информации, с которым мы сталкиваемся каждый день, ускорение научного прогресса, стремление сэкономить время и энергию вынуждают нас сокращать свои мысли до минимума, «тем самым побуждая к жизни и вводя новые экономные формы» (Павлюковец 2009: 82), которые получают все более широкое распространение в языке.

Лингвистические причины экономии заключаются в том, что язык является сложной системой, которая находится в постоянной внутренней работе «постоянной перекрещивающейся динамике, в которой элементы системы взаимодействуют друг с другом, что приводит систему языка к новым синтезам, в которых объединяются элементы языка, имеющие противоположные свойства, образуя элементы нового порядка на периферии языка» (Штайн 2005: 26) (см. также (Щерба 1974, Бабайцева 2010)). По мнению М.Я. Блоха, языковая экономия проявляется «в постоянно действующей тенденции языка к реализации оптимальной достаточности (каждому значению – адекватную форму выражения), что является следствием общественной сущности языка и находит непосредственное выявление в историко-языковых процессах устранения избыточности и недостаточности в прагматических рядах» (Блох 2000: 40). С.Д. Кацнельсон исследует синтаксическую деривацию, наблюдающуюся в языках, в которых широко развито словосложение. Синтаксическая связь между лексическими компонентами прозрачна, вследствие чего «такие обозначения в контексте легко освобождаются от избыточных элементов» (например, *дорога* вместо *железная дорога*, *рука* вместо *кисть руки*) (Кацнельсон 1965: 108). Так происходит устранение информационно избыточных элементов и, следовательно, упрощение синтаксической структуры высказывания, что объясняется стремлением нашего ментального синтаксического анализатора минимизировать процесс введения составляющих (Пинкер

2004: 209). Это, в свою очередь, приводит к повышению информационной плотности высказывания.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что языковая экономия вызвана не одной, а целым рядом причин. Во-первых, язык, будучи социальным явлением, не может не испытывать воздействия процессов, происходящих в обществе, и реагирует на них соответствующими изменениями. Во-вторых, язык является продуктом деятельности человека, и в нем отражаются особенности мышления человека, в частности стремление к точности и лаконичности выражения мыслей. В-третьих, язык является сложной системой, способной к самоорганизации посредством реализации принципа экономии. Таким образом, языковая экономия рассматривается нами как один из главных и необходимых принципов нормального естественного функционирования языка, основанного как на лингвистических, так и на экстралингвистических факторах.

Принцип лингвистической экономии проявляется в языке в тех явлениях, в основе которых лежит асимметрия двух составляющих языкового знака, то есть расхождение означающего и означаемого. Это – полисемия, синонимия, омонимия, сокращения и аббревиатуры, диффузность, эллипс, субституция, нейтрализация, синкретизм, инкорпорация.

2. Понятие инкорпорации и подходы к его определению

Инкорпорация (позднелат. *incorporatio* – включение в свой состав, от лат. *in* в и *corpus* единое целое), объединение в одно морфологическое целое двух и более семантем, представляющих собой подвижные компоненты с обособленными лексическими значениями; количество и порядок этих компонентов каждый раз обусловлены содержанием высказывания, а отношения между ними соответствуют отношениям синтаксическим (БЭС). И.А. Муравьева понимает под инкорпорацией особый грамматический строй, характерный для инкорпорирующих языков, к которым относятся языки американских индейцев и палеоазиатские (палеосибирские) языки (Муравьева 2004). Однако некоторые ученые придают данному понятию более широкий смысл. В частности, Л. Теньер рассматривает явление инкорпорации как крайнюю степень агглютинации. В полисинтетических (инкорпорирующих) языках «агглютинация зашла так далеко, что захватила все элементы предложения, которые представляют собой одно огромное агглютинированное слово». При этом важно отметить, что агглютинация, а, следовательно, и инкорпорация в той или иной степени характерна для

всех языков мира (Теньер 1988: 43) (выделено нами – Е.С.), что представляется вполне закономерным, поскольку инкорпорация является проявлением действия закона языковой экономии, затрагивающего все человеческие языки.

Инкорпорация стадияльно предшествует всем остальным синтаксическим конструкциям, так как она находится ближе всего к однословному высказыванию. Инкорпорация является способом цельного нерасчлененного выражения мысли, ее наличие и распространение во многих языках подтверждает высказанный В. фон Гумбольдтом тезис о том, что «...вначале человек в глубине своей души...связывает с каждым произносимым звуком языка полновесный смысл, т.е. имеет в виду законченное предложение; с точки зрения своего намерения говорящий никогда не произносит отдельных слов, даже если, с нашей точки зрения, его высказывание односложно» (Гумбольдт 2000: 149). Иными словами, предложение не составляется из отдельных слов, а представляет собой «комбинированный знак события» (Ольшанский 1983: 55), и «только в процессе выражения мысли говорящие либо дробят ее на отдельные слова и придают им соответствующую морфологическую форму (как это имеет место во флективных языках), либо помещают слова в определенные, фиксированные позиции (как в корнеизолирующих языках), либо выражают ее с помощью столь же тесного сплочения, соединения слов (основ), как это имеет место в том сгустке смысла, который служит «прообразом» предложения, т.е. разные языки выбирают разные способы «упаковки» мысли» (Анохина 2006: 12). При этом, как полагает Ю.А. Левицкий, «в процессе коммуникации говорящий не производит преобразований одних синтаксических конструкций в другие, а выбирает из имеющихся в его сознании синонимических конструкций ту, которую он считает наиболее удачной для данных условий» (Левицкий 2011: 165). Следовательно, можно предположить, что при необходимости экономии времени и усилий этот выбор будет сделан говорящим в пользу инкорпорированных комплексов.

Особенностью инкорпорации как способа выражения грамматических функций является ее комбинированный морфолого-синтаксический характер, внешне напоминающий определенный прием морфологии словообразования, а именно словосложение, т. е. соединение двух или нескольких слов в одно в целях образования нового слова. Но, будучи по своему строению сложным целым, инкорпорация служит не целям словообразования, а целям выражения синтаксических отношений между объединенными в единый инкорпоративный комплекс сло-

вами. Ср. чукот.: *Ты-мачез-тынып-ын кораны* «(Я) кольнул в грудь оленя (его)», букв. «грудекольнул оленя» (Кацнельсон 1983: 19).

В живых языках сохранилась не первоначальная – полная – форма инкорпорации, а лишь частичная, «где единый комплекс образует не все предложение в целом, а лишь его компоненты, которые наиболее связаны друг с другом по смыслу. В первую очередь единую схему инкорпорирования утрачивают субъект и предикат. Они выделяются и воспринимаются каждые в отдельности, а инкорпорации подвергаются слова, семантически связанные с ними (Левицкий 1995: 35-36). Такие конструкции напоминают по форме словосочетания, но отличаются от них морфологической цельнооформленностью. Как отмечает исследователь современных инкорпорирующих языков П.Я. Скорик, «объединенные таким образом основы, хотя и являются лексико-семантическими эквивалентами соответствующих слов, в отличие от последних не имеют самостоятельного грамматического оформления, заключены в одну морфологическую конструкцию и находятся в ней в отношениях не тождественных, а лишь соответствующих синтаксическим отношениям отдельно оформленных слов» (цит. по Левицкий 1995: 35-36).

Инкорпорация является характерной чертой полисинтетических языков, например, чукотского, моговка, кабардино-черкесского и др. Однако сложные слова типа "имя + глагол" отмечены в разных группах индоевропейских языков, не являющихся полисинтетическими. Такие исследователи, как М.А. Анохина, О.Ю. Афанасьева, Л.В. Мерзлякова, Л.Ф. Омельченко, Е.В. Падучева, А.А. Смирнитская, Р. Холл считают, что отдельные черты инкорпорирующих языков, выражающихся в способности глагола включать в свой состав актанты и сирконстанты, присутствуют в английском и русском языках. Такие образования могут считаться примерами инкорпорации, поскольку с семантической точки зрения они эквивалентны сочетаниям глагола с каким-либо актантом, имеющим самостоятельную синтаксическую позицию. Например, глаголы *to houseclean* – *убирать дом, квартиру*; *to brainwash* – «*промывать мозги*», *подвергать идеологической обработке*; *to fortune-tell* – *гадать, предсказывать будущее*; *рыболовствовать* – *ловить рыбу*; *престолонаследовать* – *наследовать престол*; *зубоскалить* – *скалить зубы* – эквивалентны словосочетаниям глагола с прямым дополнением; *to handweave* – *ткать вручную* – *to weave with hands*; *to finger-paint* – *рисовать пальцами* – *to paint with fingers*; *рукодельничать* – *делать что-то руками*; *рукоприкладствовать* – *прикладывать руки*, т.е. глаголу с инструментом (неотчуждаемым орудием);

to skydive – совершать затяжной прыжок с парашютом (букв. нырять в небо) – *to dive into the sky*; *air-drop* – сбрасывать с самолета; *домосеdствовать* – сидеть дома; *казнокрадствовать* – красть из казны, т.е. глаголу с локативом и т.д. М.А. Анохина отмечает, что ранее подобного рода глаголы преимущественно изучались в системе словообразования как примеры словосложения. Однако, являясь составными словами, подобные глаголы представляют собой особый случай инкорпорации, поскольку в семантическом плане они эквивалентны сочетаниям глагола с каким-либо членом предложения (Анохина 2006: 42-43). Однако, по мнению Р. Холла, инкорпорация существительных в английском языке и, к примеру, в языках американских индейцев имеют разное происхождение и разную природу (Hall 1956: 88).

Таким образом, отказ от синтаксиса в пользу морфологии является общей тенденцией в целом ряде языков, при этом могут использоваться различные механизмы, типичные для того или иного языка.

2.1. Особенности инкорпорации в современном английском языке

Как показал анализ литературы, среди ученых нет единого мнения в отношении существования инкорпорации в современном английском языке. Ряд ученых (М. Бейкер, Р.З. Гинзбург, И.А. Муравьева) полагают, что, несмотря на то, что в английском языке, как и во многих других индоевропейских языках, появляются новые глаголы, которые внешне похожи на инкорпоративные комплексы, их нельзя считать примерами инкорпорации (Муравьева 2004: 59). Глаголы типа *to spotlight*, *to baby-sit*, *to pinpoint* являются примерами конверсивного словообразования или обратного словосложения (Гинзбург 1979: 148).

Однако существует и противоположная позиция. По мнению Р. Холла, инкорпорация существительных в английском языке стала отнюдь не редким явлением, и инкорпорированные комплексы продолжают постоянно создаваться говорящими в процессе общения (Hall 1956: 83, 86), что, как отмечает М.А. Анохина, объясняется желанием носителей английского языка использовать более экономные средства выражения. Мы разделяем данную точку зрения, хотя, безусловно, полагаем, что инкорпорация в английском языке и в полисинтетических языках имеет разную природу. Так, Р. Холл выделяет три источника возникновения инкорпоративных комплексов в английском языке: 1) путем обратного словообразования от имен существительных, заканчивающихся на суффикс *-er*, например, *kidnapper* – *to kidnap*;

2) путем обратного словообразования от абстрактных существительных, обозначающих действия (например, *mass production – to mass produce*);

3) путем конверсии из сложных существительных (*stage whisper – to stage whisper*) (Hall 1956: 87). Такие образования можно считать инкорпорацией, поскольку они имеют ряд признаков, характерных для инкорпорации.

Помимо очевидного соответствия поверхностной форме инкорпоративных комплексов (имя + глагол) такие образования в современном английском языке отвечают признаку регулярности, который, по мнению И.А. Муравьевой, считается релевантным для отграничения инкорпорации от других смежных явлений (Муравьева 2004: 75). Глаголы с инкорпорированными актантами в настоящее время постоянно образуются носителями английского языка. Как пишет Р. Холл, в последние годы в современном английском языке количество глаголов с инкорпорированными актантами чрезвычайно возросло. Внимательный человек, по крайней мере, каждые две недели может встретить новый инкорпорированный комплекс, читая или слушая что-то (Hall 1956: 87). Анализ эмпирического материала показал, что наряду с зафиксированными в словарях инкорпоративными комплексами, существуют также примеры глаголов, образованных спонтанно (например, *I was asked to baby-sit, house-sit or cat-sit, I could breezily say, "Of course, no problem."* (КЛЮ) – *Меня попросили присмотреть за ребенком, домом и кошкой, я мог легко сказать: «Хорошо, нет проблем»* (перевод – Е.С.)).

Еще одним основанием отнесения рассматриваемых нами конструкций к инкорпоративным комплексам является их соответствие выделенным И.А. Муравьевой условиям признания того или иного слова композитом. К данным условиям относится, во-первых, материальное и смысловое сходство компонентов композита с соответствующими лексемами, употребляемыми автономно (Муравьева 2004: 24). Так, компоненты глагола *to breastfeed* – «кормить грудью» существительное *breast* «грудь» и глагол *feed* «кормить» имеют те же значения и ту же форму, когда используются самостоятельно, например, в предложении *Babies feed differently with artificial teats than from a breast* (КЛЮ). – *Детей кормят из соски не так, как грудью* (перевод – Е.С.). Во-вторых, компоненты композита должны быть расположены контактно (там же), что и наблюдается в данных образованиях. Здесь очевидно соблюдение и последнего условия, а именно, «формальное сходство с простыми лексическими единицами данного языка» (Му-

равьева 2004: 24). Таким образом, можно сделать вывод о наличии примеров инкорпорации в современном английском языке.

2.2. Виды инкорпорации

Как известно, чем сложнее явление, тем больше различных классификаций этого явления можно предложить. Первые попытки классифицировать инкорпоративные комплексы были предприняты Э. Сепиром, который положил в основу своей классификации синтаксические отношения между элементами сложного глагола. Он выделяет **инструментальный** (например, *to steam-run* 'работать на пару'), **локативный** (*to concert-sing* 'петь в концерте'), **объектный** (*to song-write* 'писать песни') и **субъектный** тип инкорпорации имени. Для иллюстрации субъектного типа инкорпорации Э. Сепир приводит примеры глаголов, в которых инкорпорированное имя выступает не напрямую как субъект глагола, но в логическом смысле находится в предикативном отношении к субъекту или объекту. Так предложения *He travels as spy* 'Он путешествует как шпион*' и *I call him an enemy* 'Я называю его врагом', могут быть преобразованы в инкорпорирующие глаголы *he spy-travels* или *spy-travels* (не эквивалентный в данном случае выражению *the spy travels* 'шпион путешествует') и *I enemy-call him* или *I enemy-call* (не эквивалентно выражению *I call the enemy* 'Я зову врага'). Подобные употребления инкорпорированного имени ученый называет предикатно-субъектным (predicate subjective) и предикатно-объектным (predicate objective). Э. Сепиром выделяется еще один тип глагола с инкорпорированным субъектом действия. «В таких глаголах (обычно определительного значения) инкорпорированное имя не является логическим субъектом глагола, а бывает именем обладаемого при другом, иногда грамматически не выраженном, имени. Так же как *red-head* означает не *a read-head* 'рыжая голова', а 'тот, у кого рыжие волосы, рыжеголовый', так и глагол типа бахуврихи с инкорпорированным субъектом, типа *head-is-read*, будет означать не *the head is read* 'волосы рыжие', а *he has a red head* 'у него рыжие волосы'. Такие глаголы иногда на первый взгляд представляются сложными именами с глаголом или прилагательным в качестве определяющего члена; это обманчивое сходство часто имеют также непереходные, обычно отадективного происхождения глаголы с инкорпорированным именным субъектом» (Сепир эл.р.).

Другая классификация типов инкорпорации, также предложенная Э. Сепиром, основана на различии между глаголами, обозначающими **обычное** или повторяющееся действие, и глаголами, обозначающими

единичное действие. «Например, выражение *I meat-eat* может быть понято либо как *I eat meat, I am a meat-eater* 'Я ем мясо, я мясоед', либо как *I am eating the meat (at one point of time)* 'Я ем мясо (в данный момент)'; в первом случае глагол может быть назван глаголом с общим значением (of general application), в последнем — глаголом с конкретным значением (of particular application). Различные синтаксические типы глаголов с инкорпорированным именем, перечисленные выше, могут употребляться как в общем, так и в конкретном значении. Например, *I concert-sing* может означать либо *I sing at concerts, my business is that of singing in concerts* 'Я пою в концертах, моя работа заключается в том, что я пою в концертах', или *I am singing at the concert* 'Я пою в концерте'». Э. Сепир отмечает, в некоторых языках американских индейцев глаголы с инкорпорированным именем всегда принадлежат или обнаруживают тенденцию принадлежать к первому типу, а единичные действия выражаются синтаксическим способом. В целом, «общие» глаголы с инкорпорированным объектом встречаются чаще, чем глаголы «конкретного» типа (там же). Однако важно учитывать различие между глаголами общего и конкретного типов для понимания оттенков значения инкорпорированных комплексов.

Третий, способ классификации глаголов с инкорпорированными именами, предложенный Э.Сепиром основывается на типе расположения композитов и заключается в различении языков, которые (такие как ирокезские, пауни, шошонские и такелма) **префигируют** инкорпорируемые имена к глагольной основе, и таких, которые (как яна и цимшиан) **суффигируют** их (там же). И.А. Муравьева называет эти типы инкорпорации **препозитивной** и **постпозитивной** инкорпорацией (Муравьева 2004: 29). «Это различие не имеет, однако, существенного значения, будучи связано в определенной степени с более общим различием между преимущественно суффигирующим или префигирующим характером данного языка. Однако для языков, которые используют и префиксы, и суффиксы, важно отметить, с какими группами аффиксов связано инкорпорируемое имя, поскольку это может иногда помочь в понимании самой природы явления инкорпорации. Если, например, в языке пайуте инкорпорируемое имя префигируется к глагольной основе, и известно также, что практически все реляционные элементы, включая местоименные аффиксы, суффигируются, а наречные основы и элементы с инструментальным значением префигируются, то становится достаточно очевидно, что, судя по морфологическому статусу, инкорпорируемое имя играет не синтаксическую, а словообразовательную роль; глагол *to rabbit-kill* 'кролико-убить' морфологи-

чески сопоставим не с выражением *to kill-him* 'убить-его', а скорее с выражением *to quickly-kill* 'быстро-убить'» (Сепир эл.р.). В современном английском языке инкорпорированные актанты либо префигируются к глагольной основе (*to breastfeed*), либо вообще не имеют синтаксического выражения (*to bottle*), что позволяет говорить еще о двух видах инкорпорации.

В английском языке инкорпорированный актант может быть представлен **адгерентно** в составе глагольных композитов, т.е. синтаксически, или **ингерентно**, в форме семантического компонента, не получающего синтаксического выражения (Анохина 2006: 7). При переводе таких глаголов на русский язык оба компонента обычно получают адгерентное выражение. Это объясняется тем, что актантные структуры глаголов в разных языках не совпадают (Теньер 1988: 300), и для адекватного перевода с одного языка на другой необходимо менять характер актанта, т.е. прибегать к интерверсии актантов (термин Л. Теньера)

А.А. Уфимцева пишет о наличии в любом языке глагольных лексем, представляющих собой так называемые «семантические сплавы» (Уфимцева 2011: 145). Вслед за М.А. Анохиной мы также относим их к примерам инкорпорации. А.А. Уфимцева выделяет два типа таких глаголов: 1) **эксплицитные**, т.е. мотивированные словесные знаки – производные и сложные слова, раскрытые в различных словообразовательных моделях; 2) **имплицитные**, т.е. немотивированные, включенные (скрыто) в номинацию непроизводного слова и, тем самым, не отмеченные формой словесного знака».

К первому типу А.А. Уфимцева относит производные и сложные глаголы, отражающие в своей семантике определенный ракурс связи с означаемым производящей основы. Так, выделяются 3 подтипа эксплицитных глаголов: а) глаголы, обозначающие «совершение действия, свойственное лицу», напр. *shepherd* «пастух» – *to shepherd* «пастить»; б) глаголы, обозначающие «действие при помощи предмета» (*iron* «утюг» – *to iron* «утюжить»); в) глаголы, обозначающие «покрывать предметом» (*soot* «сажа, копоть» – *to soot* «покрывать сажей, копотью»).

Семантика глаголов имплицитного вида организуется, по мнению А.А. Уфимцевой, по тем же моделям смысловых отношений, что и у эксплицитных глаголов, например, в лексико-семантической группе «резания» выделяются следующие подгруппы глаголов: а) действие и инструмент (*to saw* – пилить (пилой)); б) действие-объект (*to cleave* – резать (воздух, волну)); в) действие по результату (*to slit* – прорезать щель); г) действие-способ (*to hack* – резать неумело) (там же). Послед-

ней подгруппе глаголов «действие-способ», выделяемых А.А. Уфимцевой, посвящена работа М.А. Анохиной «Явление инкорпорации в английской глагольной лексике: на материале адвербиальных глаголов английского языка». Как отмечает М.А. Анохина, «глаголы, инкорпорирующие обстоятельственный компонент, являются наиболее экономным способом передачи смысла» (Анохина 2006: 41), например, глагол *to scan* – пристально разглядывать – по смыслу эквивалентен словосочетанию *to look carefully*, *to glimpse* – бегло взглянуть – *to look briefly*, *to glance* – бросить взгляд, взглянуть мельком – *to look hastily*. Этим можно объяснить их высокую продуктивность в современном английском языке.

И.А. Муравьева выделяет **синтетическую** и **аналитическую** инкорпорацию, которая наблюдается в языках синтетического и аналитического типов соответственно. Как известно, в аналитических языках падежные функции выражены более экономно, чем в синтетических. Аналитический слой более прозрачен (Кацнельсон 1972: 57). «Если объединение двух лексем выражается синтетически (=морфологически), то мы имеем дело с синтетическими (=морфологическими) композитами... Для обозначения этого процесса в лингвистической литературе часто используются такие термины как «словосложение» и «основосложение». Если же объединение двух лексем выражается аналитически, т.е. в виде соположения двух словоформ, то в этом случае речь идет об аналитическом (=синтаксическом) сложении и синтаксических (=аналитических) композитах. При синтетическом сложении компонент композита выступает в виде основы, при аналитическом сложении – в виде отдельной словоформы, являющейся компонентом морфосинтаксического комплекса» (Муравьева 2004: 23). Английский язык относится к языкам аналитического типа, следовательно, в нем присутствует аналитическая инкорпорация.

Инкорпорация также может быть **полной** и **частичной**. При полной инкорпорации происходит опущении соответствующих личных местоимений, а инкорпоративный комплекс фактически заменяет собой целое предложение, что не характерно для именного композита. Частичная инкорпорация затрагивает только словосочетание (Муравьева 2004: 72). В английском языке, как и в других индоевропейских языках, наблюдается частичная инкорпорация, которая упрощает синтаксическую структуру предложения.

3. Инкорпорирование актантов как способ актуализации валентностного потенциала глагола

Представление о глаголе как о центре предложения находит отражение в трудах многих отечественных и зарубежных лингвистов (Л. Теньер, Н. Хомский, Ю.А. Левицкий, С.Д. Кацнельсон, С.М. Кибардина, И.Г. Ольшанский, И.Б. Долинина, С.В. Шустова, М.А. Анохина, И.В. Недялков, В.Б. Касевич, В.С. Храковский, А.В. Бондарко). Ю.А. Левицкий, вслед за Н. Хомским, полагает, что в большинстве языков наиболее общей структурной моделью простого предложения является модель **NV**, т.е. конструкция, состоящая из именного и глагольного компонентов (Левицкий 1995: 91), в которой главным компонентом является глагол, поскольку именно семантика и валентностные свойства глагола определяют набор именных компонентов в том или ином предложении.

Глагол занимает особое место в системе частей речи любого языка, поскольку обладает рядом уникальных свойств, не характерных ни для одной, ни для другой части речи. Как отмечает И.Г. Ольшанский, глагол является «потенциально предикативным знаком», что делает его похожим на предложение, так как «движение от слова к предложению — это процесс неизбежного разделения денотата и сигнификата» (Ольшанский 1983: 55). В глаголе также наблюдается разделение денотата и сигнификата, благодаря чему он играет ведущую роль в описании любой ситуации. Особенности его семантики позволяют отражать различные компоненты событий окружающей действительности. Категории лица, наклонения и времени, включают глагольное слово в механизм актуализации, характеризуют предложение/высказывание в целом. Благодаря данным категориям глагол стоит ближе всего к предложению» (там же: 57-58). Л. Теньер сравнивает «глагольный узел», являющийся центром предложения, с «маленькой драмой», в которой обязательно есть свое действие, а также часто свои действующие лица и обстоятельства (Теньер 1988: 117). Эта мысль развивается М.А. Анохиной, которая пишет, что «за глаголами закреплена одна или несколько сцен, вследствие чего он может отражать цель и способ совершения действия, место его выполнения, причину и результат, темп и направление действия, участников события и т.д.» (Анохина 2006: 30-31). Эта способность глагола сочетаться с различными языковыми единицами получила название валентности.

Синтаксическая валентность была впервые детально изучена С.Д. Кацнельсоном. Под валентностью С.Д. Кацнельсон понимает свойство «полновесного вещественного слова ... реализовываться определен-

ным образом в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами» (Кацнельсон 1948). Применительно к глаголу валентность рассматривается как «способность данного глагола сочетаться с именами в той или иной субъектно-объектной функции» (Кацнельсон 1972: 47), т.е. глагол потенциально обладает определенным набором «мест» или «гнезд», которые заполняются в предложении словами, категориальные признаки которых соответствуют категориальным признакам «гнезда» (там же: 88). Зависимые от глагола элементы С.Д. Кацнельсон называет «предикандумами» и полагает, что глаголы можно классифицировать в зависимости от их количества, «симультанно возможных при глаголе». По этому принципу выделяются одно-, двух- и многовалентные глаголы (Кацнельсон 2001: 566). С.Д. Кацнельсон предпринимает попытку выделить различные типы предикативной валентности. Так он пишет о позиционной валентности и о валентности, предполагающей различные характеристики действия (например: *нарочно, усердно, лениво, долго*) (Кацнельсон 1972: 88), однако, этот тип валентности не получает названия. В дальнейшем для обозначения различных типов слов, «притягивающихся» к глаголу будут использоваться термины актанты и сирконстанты.

Среди западных лингвистов одним из первых изучением валентности начал заниматься Л. Теньер, который, в отличие от С.Д. Кацнельсона, рассматривает валентность в более узком смысле, не как свойство всех полнозначных слов, а только как свойство глагола. Л. Теньер определяет валентность как способность глагола управлять определенным числом актантов и сирконстантов, сравнивая глагол со своеобразным «атомом с крючками», который может притягивать к себе определенное количество актантов и сирконстантов, в зависимости от количества «крючков» (Теньер 1988: 250). Актантами могут быть существительные и их эквиваленты, обозначающие живые существа или предметы, которые так или иначе участвуют в описываемой глаголом ситуации. Количество глагольных актантов, согласно Л. Теньеру, может варьироваться от 0 до 3. В зависимости от валентности выделяются четыре группы глаголов: **безвалентные** или безактантные (к которым относятся безличные глаголы типа *pleuvoir* – «дождить»), **одновалентные** или одноактантные (непереходные глаголы, например, *sommelier* – «дремать»), **двухвалентные** или двухвалентные (переходные глаголы, например, *frapper* – «ударять») и **трехвалентные** или трехактантные глаголы (для которых, как отмечает Л. Теньер, в традиционной грамматике нет специального термина, и они смешиваются с двухвалентными под общим названием переходных, хотя можно четко

выделить два типа таких глаголов: глаголы речи (например, *dire* – «говорить») и глаголы давания (например, *donner* – «давать»). Кроме того один глагол может иметь различное число актантов, а незанятые валентности называются свободными.

Понимание валентности у Л. Теньера ограничено количественными показателями, в дальнейшем ученые, изучающие валентность, стали обращать внимание на ее качественный аспект, в число валентностей глагола стали включаться не только актанты, но и сирконстанты. Были выделены два основных типа валентности: обязательная и факультативная. В этом отношении интерес представляют работы С.М. Кибардиной. Ее определение валентности отражает функции, которые она сообщает глаголу в предложении: «Валентность глагола представляет собой способность сочетаться с определенным кругом языковых единиц, предопределяя их количество семантику, способ и форму выражения» (Кибардина 1988). Валентностные свойства глагола определяют его принадлежность к семантическому типу глаголов, характеризующегося общей валентностной структурой. Конкретные глаголы могут модифицировать эту структуру в зависимости от семантических компонентов, входящих в их значение.

С.М. Кибардина выделяет следующие типы актантов: 1) **содержательно и структурно обязательные актанты**. К ним относятся субъект (у всех типов глаголов, кроме бессубъектных) и объект (у многих типов глаголов), а иногда и другие актанты. Если данные актанты опускаются, грамматическая правильность предложения нарушается; 2) **содержательно обязательные, но структурно факультативные актанты** – данные актанты опускаются без нарушения грамматичности предложения и без изменения значения глагола, так как их можно восстановить из контекста и ситуации; 3) **содержательно факультативные актанты** – их наличие в предложении обусловлено коммуникативной ситуацией или отсутствием содержательно обязательных актантов. В этом случае содержательно факультативные актанты выступают в качестве своеобразной «структурной компенсации». Обязательность актантов зависит от их количества у того или иного глагола. Валентностная структура полиактантных глаголов обычно не реализуется полностью, степень ее реализации зависит, по мнению С.М. Кибардиной, от целого ряда факторов, к которым относятся семантика глагола, коммуникативная установка предложения, частотность употребления какой-либо модели предложения в языке (Кибардина 1986).

И.Б. Долинина понимает под валентностью «способность элементов одного уровня лингвистического анализа сочетаться друг с дру-

гом» и считает, что эта способность определяется их внутренними семантическими свойствами, причем валентность проявляется только на таксономическом уровне, т.е. на уровне частей речи, поскольку только части речи имеют формально-смысловое значение, которое определяет набор элементов, с которыми они могут сочетаться (Долинина 1977: 28). Глагол на всех языковых уровнях характеризуется наличием двойного ряда функций: во-первых, он репрезентует в предложении самого себя, а во-вторых, всю ситуацию, которую он представляет, включая всех ее участников. Эта способность глагола и называется его семантической валентностью. Она отражается в самом значении глагольной лексемы, «образуя в его сменой структуре особый, синтагматический компонент». Валентность глагола позволяет глаголу выполнять определенную синтаксическую функцию в предложении (чаще всего сказуемого), а также выступать синтаксическим ядром предложения, задавая набор синтаксических позиций и определяя способ их таксономического и морфологического оформления (Долинина 1989: 17). Таким образом валентность глагола проявляется на семантическом, синтаксическом и морфологическом уровнях, что дает основания считать данную категорию ключевой.

Как уже было отмечено, именно валентность делает глагол ядром предложения, предопределяя количество актантов и сирконстантов, которые к нему притягиваются, а также определяя их семантические роли. Как полагает М.А. Анохина, «глагол не только содержит информацию об актантах и сирконстантах ситуации, но и выстраивает семантический «каркас» предложения-высказывания» (Анохина 2006: 25).

Валентность глагола определяется количеством участников ситуации, которых необходимо упомянуть, чтобы истолковать его исчерпывающим и избыточным образом. Семантические валентности непосредственно связаны с лексическим значением слова и характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу. «Приписываемые им содержания и «роли» если пользоваться термином Ч. Филлмора (субъект, объект, инструмент, средство, место и т.п.), суть части этого лексического значения» (Апресян 1995: 120).

Набор участников обозначаемой глаголом ситуации с их семантическими ролями (такими как Агенс, Пациенс, Эксперидент, Перцепт) некоторые ученые обозначают термином диатеза (Мельчук, Холодович 1970, Падучева 2001). Помимо семантической роли учитывается коммуникативный ранг участника ситуации. По мнению Е.В. Падучевой, Субъект и Объект имеют наивысший ранг – Центр; обстоятельст-

ва имеют ранг Периферия; участники, которым не соответствует никакой синтаксической позиции при глаголе, имеют низший ранг – За кадром (Падучева 2001: 26).

Иногда подчиненный глаголу член предложения, выражающий участника с данной ролью принципиально невозможен. В этом случае мы говорим об инкорпорации актантов (Шустова 2010: 132-133). Инкорпорированный актант, «фиксированный с точностью до лексемы и синтаксически невыразимый (например, глаза у *видеть*; губы у *целовать* и под.). Иногда глагол сливается с именем, на которое распространяется его валентность, так, в айском языке часто встречаются такие примеры инкорпорирования актантов, как *'ari* «огонь», *'ari* «разжигать», *'apfari* «разжигать огонь», *he* «голова», *'usi* «прикреплять что-л. к чему-л.», *he usi* «надевать что-л. на голову», *kewe* «тело», *ri* «быть высоким», *keweri* «быть высокого роста» (Алпатов 1983: 85). В английском языке примерами таких глаголов могут служить слова *to car*, *to elbow*, *to chair* и т.д. В этом случае валентность таких глаголов понижается.

Однако при определенных условиях актант глагола может "экскорпорироваться": *вижу одним глазом*. Слово *глаза* фигурирует в огромном числе описаний ситуации видения: *вперить, пялить, (вы)пучить, (вы)лупить, (вы)таращить глаза; смотреть во все глаза; не спускать, не сводить глаз, не мочь глаз оторвать; пожираться глазами, высмотреть все глаза, глядя, окинуть/смотреть глазами* (Падучева 2001: 26). «Р. Джекендофф приводит следующий пример из английского языка: нельзя сказать **to butter the bread with butter*, букв. 'намазать хлеб маслом', но можно *We buttered the bread with cheap margarine* 'Мы намазали хлеб дешевым маргарином'. Участник «вещество» выражается лексически в составе глагола-конверсива, поэтому, в принципе, нет необходимости в его синтаксическом выражении. Однако, как пишет Джекендофф, глаголы типа *to butter* наследуют аргументную структуру глагола *to cover* 'покрывать (веществом)' с актантом Тема. При присоединении к глаголу группы с предлогом *with* концепт 'butter' превращается из имплицитного участника в селективное ограничение Темы. Для того, чтобы высказывание *to butter with ...* было успешным, оно должно добавлять новую, избыточную (non-redundant) информацию, то есть как-то уточнять концепт 'butter'. Дешевый маргарин как раз и является удачным примером спецификации данного концепта. Помимо глагола *to butter* 'мазать маслом', инкорпорированный актант имеют глаголы *to powder* 'пудрить', *to ice*, *to frost* 'покрывать са-

харной глазурию», *to line* «класть на подкладку» и многие другие» (Ляшевская: эл.р.). В этом случае валентность глагола не изменится.

Таким образом, инкорпорирование актантов может не повлиять на валентностные свойства глагола, но в большинстве случаев валентность глаголов с инкорпорированными актантами понижается, что приводит у упрощению синтаксической структуры предложения.

3.1. Классификация глаголов с инкорпорированными актантами

В современном английском языке можно выделить два типа инкорпоративных комплексов: глаголы, образованные по схеме **прилагательное + глагол** и по схеме **существительное + глагол**.

Глаголы с адгерентно выраженным обстоятельственным компонентом, образованные по схеме прилагательное + глагол, на наш взгляд, можно классифицировать следующим образом:

1. оценка действия (*to fine-draw; roughcast; to soft-sell; to soft-say; to soft-talk; to sweet-talk*);
2. темпоральная характеристика действия (*to quick-freeze; to fast-talk*);
3. характеристика действия по внешнему признаку (по цвету) (*to black-list; to black-mail; to white-wash; to red-shift; to blackwash*);
4. качественная характеристика действия (*to broadcast; to new-create; to new-furnish; to short-list; to dry-clean; to dry-cure; to dry-wash; to free-wheel; to rough-dry; to soft-dock*).

Глаголы с ингерентно выраженным обстоятельственным компонентом были предметом исследования в работах М.А. Анохиной, которая использует термин «адвербиальные глаголы». Отличительной особенностью адвербиальных глаголов является то, что их семантика выражает не только действие, но и характер его протекания (Анохина 2006: эл.р.). М.А. Анохина выделяет следующие лексико-семантические группы таких глаголов:

1. глаголы движения и физического действия. Адвербиальная сема в их составе указывает на скорость, манеру движения и интенсивность его выполнения, связанную с преодолением препятствия (например, *to amble, to canter, to dawdle, to flit, to gallop, to hobble, to hop, to march*).

По «направлению движения» М.А. Анохина выделяет группы глаголов колебательного (*to rock, to stagger, to wobble* и т.д.), вращательного (*to roll, to swirl, to twirl, to whirl, to wallow, to waltz* и т.д.) и криволинейного движения (*to crank, to cringe, to cramp, to curve, to squirm, to wriggle* и т.д.). По «способу движения»: глаголы медленного (*to loll, to*

limp, to slug и т.д.), быстрого (*to frisk, to scuttle, to scamper, to skid, to skip, to whisk* и т.д.), резкого (*to jigger, to jog, to joggle, to splash* и т.д.) и плавного движения (*to glide, to slide, to slip* и т.д.).

2. Глаголы зрительного восприятия (*to glance* – *взглянуть мельком*). Глаголы зрительного восприятия можно разделить на две группы: глаголы, которые сообщают о направлении и интенсивности взгляда (*to gaze, to peep, to peer, to stare* и т.д.) и глаголы, которые сообщают нам о сборе и получении информации в результате зрительного отображения (*to scan, to search, to seek, to survey, to watch* и т.д.).

3. Глаголы ментальных действий. Данные глаголы находят отражение в следующих подгруппах: глаголы, объединенные значением «думать» (*to cogitate, to meditate, to muse, to speculate* и т.д.); глаголы, обозначающие процесс целенаправленного мышления (*to analyze, to design, to puzzle, to rethink, to review* и т.д.); глаголы со значением «представлять себе, воображать» (*to dream, to envisage, to fancy, to imagine* и т.д.); глаголы знания (*to calculate, to examine, to investigate, to reckon* и т.д.) и глаголы памяти (*to bethink, to forget, to memorize, to recall, to remember* и т.д.). Адвербиальная сема в их составе указывает на манеру, интенсивность и долготу действия.

3. Глаголы говорения. Данные глаголы могут быть представлены в таких подгруппах, как глаголы, характеризующие способ, манеру говорения (*to groan, to grumble, to mumble, to murmur, to mutter, to scream, to whisper, to yell* и т.д.) и глаголы, которые характеризуют содержание речи (*to command, to criticize, to gossip, to instruct, to insult, to lecture, to nickname* и т.д.).

4. Глаголы звукоподражательного характера (*to crack*); По компоненту «акустический элемент» можно выделить глаголы, которые выражают говорение и движение, связанное со звуком или шумом, производимым человеком, животными, насекомыми, птицами, движущимся транспортом, явлениями природы, движущимся предметом. Это глаголы оноματοпеического, т.е. звукоподражающего характера: *to bat, to batter, to bellow, to boom, to clank, to gargle, to groan* и т.д. Данные глаголы создают определенный звуковой образ, который воспринимается одновременно с движением.

5. Глаголы свечения (*to gleam; to glare*). Данные глаголы представлены подгруппами глаголов, обозначающих устойчивое свечение (*to glare, to glow, to shine*); однократное кратковременное свечение (*to flash, to gleam, to glint*); многократное яркое свечение (*to glitter, to sparkle*) и многократное тусклое свечение (*to glimmer, to shimmer, to twinkle*).

6. Глаголы, передающие «состояние субъекта». В данной группе выделяют глаголы, которые передают состояние двигающихся субъектов, которое может быть как психическим (внутренним), так и физическим (под воздействием внешних факторов): *to rage, to shiver, to storm, to shudder, to tremble* и т.д. (Анохина 2006).

Предметом нашего рассмотрения являются инкорпоративные комплексы в английском языке, образованные по схеме существительное + глагол путем компрессии или обратного словообразования с адгерентно выраженными актантами, и отсубстантивные глаголы, образованные по конверсии, актанта которых выражен ингерентно. Положив в основу виды актантов, мы сделали попытку создать классификацию таких глаголов.

1. Глаголы с инкорпорированным актантом-**инструментом**, которые, в свою очередь, делятся на актанты средства и способа действия.

1) **Средство:**

а) неотчуждаемое орудие (например: *to elbow – толкать локтем; to nose – учуять, пронюхать; to finger-paint – рисовать пальцами*);

б) предметное орудие (*to knife – резать ножом; to spoon-feed – кормить с ложки*);

в) природная или нематериальная сущность (*to wind – сушить на воздухе, проветривать; to blow-dry – сушить волосы феном (blow – дуновение ветра)*);

г) вещество (*to glue – клеить, склеивать, приклеивать, to balm – бальзамировать*);

д) средство передвижения (*to ship – перевозить, отгружать по воде; to ski – кататься на лыжах; to planepost – отправлять авиачтой*);

г) материал (*to leather – крыть, переплетать кожей; to iron – покрывать, обивать железом*);

2) способ: **речевая деятельность** (*to question – спрашивать, задавать вопросы; to word – выражать словами, подбирать слова; to cheer-lead – приветствовать (cheer – одобрительные возгласы)*).

2. Глаголы с инкорпорированным актантом – **объектом действия:**

1) одушевленный объект действия (*to rat – истреблять крыс; to rabbit – охотиться на кроликов; to babysit – нянчиться с ребенком*);

2) неодушевленный объект действия (*to nest – вить гнездо; to dust – стирать пыль; to house-hunt – подыскивать дом, квартиру*).

3. Инкорпорированный актанта – **локатив** (*to table – класть, ставить на стол; to cage – сажать в клетку; to air-cover – (воен.) прикрывать с воздуха*).

4. Инкорпорированный актант – **субъект действия:**

1) субъект-человек (*to tutor* – давать частные уроки; *to doctor* – лечить, врачевать);

2) субъект, имеющий стихийный характер («этимологическая фигура» (Жацнельсон 1972: 59)) (*to thunder* – греметь, грохотать; *to landslide* – оползать, обваливаться).

5. Инкорпорация актанта – **дескриптива:**

1) инкорпорированный актант анималистического характера, с поведением которого сравниваются действия человека (*to chicken* – трусить, отступить от трусости (*chicken* – цыпленок); *to rat* – предавать, доносить (*rat* – крыса);

2) инкорпорирование актанта, обозначающего человека, для которого характерно то или иное поведение, деятельность (*to king* – вести себя как король; *to lord* – разыгрывать из себя аристократа, важничать);

3) актант – мифическое существо, с которым ассоциируются действия человека (*to angel* – покровительствовать, поддерживать (*angel* – ангел); *to witch* – обворожить, околдовать (*witch* – ведьма, колдунья); *to ghost-write* – писать, сочинять за кого-л. другого (*ghost* – привидение, призрак));

4) способ организации/вид систематизации (*to catalogue* – каталогизировать; *to class* – классифицировать, сортировать; *to cross-question* – подвергать перекрёстному допросу);

5) сравнение действия с характеристиками предмета (*to balloon* – быстро увеличиваться или расти; *to dart* – рвануться, помчаться стрелой).

Данные группы глаголов имеют в английском языке различную степень распространенности, однако нам удалось обнаружить достаточное количество примеров их употребления, чтобы проанализировать их функциональные свойства.

3.2. Валентностный потенциал глаголов с инкорпорированными актантами

Валентность глагола является не его характеристикой как лексемы, а проявляется в процессе его употребления в речи, следовательно, один глагол может образовывать предложения по разным моделям в зависимости от его значения в данном контексте: *I walk (in the garden)* – *I walk my dog (in the garden)* (Левицкий 1995: 93). Это особенно характерно для английского языка, где развита полисемия, в частности для рассматриваемых нами глаголов с инкорпорированными актанта-

ми, большинство из которых многозначны. Например, глагол *to fork* в значении «брать вилкой» актуализируется в предложении с объектом действия: *Idella forked a piece of carrot* (СОСА). Если же он используется в значении «ветвиться, разветвляться», объект в его валентностной структуре отсутствует: *Then the path forked, offering choices* (СОСА).

Нами было выявлено более 6500 случаев употребления глаголов с инкорпорированными актантами, из которых в около 5600 случаях актант выражен ингерентно, а в более 950 – адгерентно. Анализ примеров употребления глаголов с инкорпорированными актантами позволил нам выявить типичные модели предложений с этими глаголами и выделить актанты, входящие в валентностный потенциал глагола (В.И. Дегтярев 1973, Ю.А. Левицкий 1995, И.И. Мещанинов 1978, Л. Теньер 1988). Под «моделью» понимается «присущая данному языку парадигматическая схема элементов (составляющих) его структуры; компактное символическое изображение этой схемы (или каких-л. ее частей или элементов), являющееся основой моделирования языка как одного из методов его изучения» (СЛТ). Центральным компонентом модели предложения является глагол, традиционно обозначаемый как V, именные компоненты обозначаются литерой N с индексом, соответствующим различным типам актантов, например N_{instr} обозначает актант-инструмент.

Анализ эмпирического материала позволил создать модели валентностной структуры для всех групп глаголов. Так, например, модель предложения для глаголов с инкорпорированным локативом (к данной группе относятся такие глаголы, как *to houseclean* – *прибираться в доме*; *to skydive* – *совершать затяжной прыжок с парашютом (букв. «нырять в небеса»)*; *to air-bomb* – *бомбить с воздуха*; *to air-drop* – *сбрасывать с самолёта (грузы, войска)*; *to battle-test* – *проверять в бою, обстреливать*; *to bench-test* – *проводить стендовое испытание*; *to door-step* – *приходить к дому кого-то, чтобы взять интервью*; *to globe-trot* – *путешествовать по всему свету*; *to island-hop* – *путешествовать по островам*; *to land* – *приземляться*; *to hostel* – *останавливаться на турбазе*; *to table* – *класть, ставить на стол*; *to cage* – *сажать в клетку*; *to channel* – *пускать по каналу*; *to crest* – *достигать вершины чего-л., оказываться в высшей точке*; *to edge* – *окаймлять*; *to frame* – *вставлять в раму, рамку, окружать*; *to holster* – *убирать в кобуру*; *o jail* – *заключать в тюрьму*; *to bag* – *класть, накладывать в мешки, кули, пакеты и т. п.*; и другие) будет иметь следующий вид:

NsubjVNobj(prepnloc)[prepNben/temp/Attr], где **субъект**¹ и **объект**² действия в большинстве случаев являются содержательно и структурно обязательными актантами, **локатив**³ – содержательно обязательным, структурно факультативным, а **бенефициатив**⁴, **темпоратив**⁵, и **атрибутив**⁶ – содержательно факультативными.

Таким образом, на основании анализа литературы и эмпирического материала можно сделать следующие выводы:

1. Экономия в языке вызвана целым рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, а инкорпорация – является одним из проявлений действия закона языковой экономии.

2. В английском языке наблюдается частичная аналитическая инкорпорация, при которой актант префигурируется к глагольной основе. В английском языке выделяются инкорпоративные комплексы, образованные по схемам существительное + глагол и прилагательное + глагол.

3. По типу инкорпорированного актанта можно выделить глаголы с инкорпорированными инструментом, локативом, объектом, дескриптивом, субъектом. Данные актанты могут быть представлены как адгерентно, так и ингерентно.

4. Анализ функционирования глаголов с инкорпорированными актантами позволяет создать модели предложений, применительно к отдельной группе глаголов.

Подводя итог сказанному, отметим, что глаголы с инкорпорированными актантами, представляют, на наш взгляд, значительный интерес для лингвистов, и требуют дальнейшего изучения, а анализ их функциональных свойств может послужить толчком для новых исследований в этой области.

Библиография

1. Анохина М.А. Явление инкорпорации в английской глагольной лексике: на материале адвербиальных глаголов английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. I Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1995. 364 с.

---

¹ Субъект – актант, обозначающий производителя действия.

² Объект – актант, обозначающий того/то, на кого/что направлено действие.

³ Локатив – актант, обозначающий место протекания действия.

⁴ Бенефициатив – одушевленный адресат, получатель или тот, в пользу или ущерб кому совершается действие (Богданов 1977).

⁵ Темпоратив – актант, обозначающий время совершения действия.

⁶ Атрибутив – актант, обозначающий качественную характеристику действия.

3. *Блох М.Я.* Теоретические основы грамматики: Учеб. 2-е изд., испр. М.: 2000. 160 с.
4. *Гинзбург Р.З.* Лексикология английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / Р.З. Гинзбург, С.С. Хидекель, Г.Ю. Князева и А.А. Санкин . М.: Высшая школа, 1979. 269 с.
5. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем./ Общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
6. *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь. М.: Международные отношения, 1979. 254с.
7. *Долинина И.Б.* Синтаксически значимые категории английского глагола. Л.: Наука, 1989. 216 с.
8. *Долинина И.Б.* Системный анализ предложения (на материале английского языка): Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1977. 176 с.
9. *Елькин В.В.* Диалогическая речь – основная сфера реализации языковой экономики: Дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2001. 228 с.
10. *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышления: Из научного наследия. – М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
11. *Кацнельсон С.Д.* Лингвистическая типология // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1983. № 4. с. 19-34.
12. *Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. Л.: Наука, 1965. 112 с.
13. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
14. *Кибардина С.М.* Валентность немецкого глагола: Дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1988.
15. *Кибардина С.М.* Распространители в структуре предложения (К вопросу о реализации валентности глагола) // Единицы языка в коммуникативном и номинативном аспектах: Межвуз. сб. научн. трудов. Л., 1986. с. 94-100.
16. *Левецкий Ю.А.* Альтернативные грамматики: Стадии развития человеческого языка. 2-е изд., доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 176 с.
17. *Левецкий Ю.А.* К вопросу о второй коммуникации // Проблемы социо- и психолингвистики: сб.ст. Пермь, 2011. Вып. 15. с.159-167.
18. *Левецкий Ю.А.* От высказывания – к предложению. От предложения – к высказыванию: Учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 196 с.
19. *Муравьева И.А.* Типология инкорпорации: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 2004. 286 с.
20. *Ольшанский И.Г.* Взаимодействие семантики слова и предложения // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1983. № 3. с. 52-62.
21. *Павлюковец М.А.* Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономики: функциональный аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
22. *Падучева Е.В.* К структуре семантического поля "восприятие" (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2001. №4. с. 23-45.
23. *Пинкер С.* Язык как инстинкт: Пер. с англ. / Общ. ред. В. Д. Мазо. М.: Едиториал УРСС, 2004. 456 с.
24. *Серебрянников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. – 352с.
25. *Спенсер Г.* Основные начала. Киев: Вища школа, 1986. 375с.
26. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

27. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: Едиториал УРСС, 2011. 208 с.
28. Ширяева А.В. Лексическое значение в свете биосемиотической концепции языка // Функциональные свойства единиц языка. Коллективная монография. Пермь: НП ВПО «ПСИ», 2011. С. 225-256.
29. Штайн К.Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка // Сб. ст. научно-методического семинара TEXTUS. Ставрополь, 2005. С. 26.
30. Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Пермь, 2010. 248 с.

Электронные ресурсы

1. Анохина М.А. Семантическая инкорпорация как один из способов реализации когнитивной модели глагола (на материале английского языка) // Ползуновский вестник, №3, 2006. с. 73-82. http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pv2006_03_1/pdf/329anoh.pdf
2. Большой Энциклопедический Словарь <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139314>
3. Корпус Лейпцигского университета <http://corpora.informatik.uni-leipzig.de/>
4. Ляшевская О.Н. «А ты головой подумай»: о тавтологическом выражении инкорпорированных актантов глагола. <http://iling.spb.ru/nord/materia/rusconstr2009/lashevskaja.pdf>
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. http://www.classes.ru/grammar/145.Sepir/source/worddocuments/_21.htm
6. Словарь лингвистических терминов / Ахманова О.С. Изд. 2е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с. http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_51.htm
7. Corpus of Contemporary American English <http://corpus.byu.edu/coca/>
8. Hall R. How We Noun-Incorporate in English // American Speech, Vol. 31, No. 2 (May, 1956), pp. 83-88 <http://www.jstor.org/stable/453432>